

Шахматов Алексей Александрович

**Мордовский
этнографический сборник**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 03
ББК 92
А47

А47 **Алексей Александрович Ш.**
Мордовский этнографический сборник / Шахматов Алексей Александрович –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 859 с.

ISBN 978-5-521-30728-9

ISBN 978-5-521-30728-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

признателенъ А. Н. Минху за то, что онъ предоставилъ ее въ мое распоряженіе и далъ мнѣ возможность включить ее въ составъ моего сборника. Кромѣ описанія, даннаго Минхомъ, укажу еще на описаніе Оркина, записанное мною со словъ мѣстнаго жителя и помѣщенное въ I отдѣлѣ сборника. Тамъ же дано описаніе и Сухого Карбулака, при чемъ рассказчики охотно дѣлились и сохранившимися преданіями о началѣ селеній и о послѣдующихъ ихъ судьбахъ. Не буду поэтому повторять данныхъ, приведенныхъ тамъ, относительно Оркина и Сухого Карбулака; укажу только, что въ настоящее время въ Оркинѣ насчитывается до 6000 душъ обоого пола, а въ Сухомъ Карбулакѣ до 3000.

При собираніи образцовъ народнаго творчества въ обоихъ названныхъ селахъ я оказался въ чрезвычайно благоприятныхъ условіяхъ. Свои занятія мордовскимъ языкомъ я началъ съ Романомъ Ѳедоровичемъ Учаевымъ, бывшимъ въ то время учителемъ Новопольской церковно-приходской школы Саратовскаго уѣзда. Р. Ѳ. Учаевъ уроженецъ Сухого Карбулака; біографическія данныя о немъ см. въ настоящемъ сборникѣ, на стр. 636—642, 646—649. Замѣтивъ его прекрасныя способности и условившись съ нимъ относительно подробностей транскрипціи мордовскихъ звуковъ (Р. Ѳ. Учаеву вообще не приходилось или приходилось очень рѣдко передавать родную рѣчь на письмѣ), я просилъ его съѣздить въ Сухой Карбулакъ и тамъ записать изъ устъ народа преданія, сказки, пѣсни и т. п. матеріалъ. Р. Ѳ. Учаевъ весьма удачно справился со своей задачей; къ концу лѣта 1905 года онъ доставилъ мнѣ большое собраніе фольклористическаго матеріала, при чемъ, будучи музыкантомъ, присоединилъ къ пѣснямъ и записи мотивовъ. Весь этотъ матеріалъ, провѣренный мною въ отношеніи точной передачи звуковъ при перечитываньи текстовъ вмѣстѣ съ Р. Ѳ. Учаевымъ, напечатанъ въ настоящемъ сборникѣ почти безъ измѣненій или точнѣе съ тѣми измѣненіями, необходимость которыхъ выяснилась при совмѣстномъ моемъ съ Р. Ѳ. Учаевымъ ихъ обсужденіи. Въ прошломъ году я посѣтилъ самый Сухой Карбулакъ и убѣдился изъ весьма значительнаго

числа собственныхъ своихъ записей¹⁾, насколько точно Р. Θ. Учаевъ передавалъ свою рѣчь. Впрочемъ, и раньше мнѣ пришлось слышать сухокарбулацкій говоръ не отъ одного Р. Θ. Учаева; между прочимъ кое-что записано было мною въ 1906 году отъ его матери, старушки лѣтъ 60-ти; эти мои записи помѣщены въ сборникѣ вмѣстѣ съ записями самого Р. Θ. Учаева, но отличены латинскимъ шрифтомъ (Р. Θ. Учаевъ пишетъ только русскими буквами), см. стр. 155—157, 646—650 сборника. Латинскимъ же шрифтомъ я напечаталъ то, что записалъ со словъ самого Р. Θ. Учаева для того, чтобы отличить мои записи отъ его записей, см. стр. 43—46, 636—645, 650—653 сборника.

Съ оркинскимъ говоромъ я познакомился въ августѣ 1905 года, когда впервые посѣтилъ Оркино и записалъ тамъ много сказокъ и пѣсенъ. Потомъ я тщательно изучалъ особенности этого говора при помощи Василя Степановича Саюшкина, оркинскаго уроженца, бывшаго въ то время сельскимъ писаремъ въ д. Бѣгучахъ Петровскаго уѣзда. Въ концѣ августа предложилъ мнѣ свои услуги Юсифъ Александровичъ Цыбинъ, постоянный житель Оркина, бондарь по профессіи. І. А. Цыбинъ оказался человѣкомъ въ высокой степени одареннымъ; необыкновенная память и развитая фантазія дѣлаютъ его неистощимымъ рассказчикомъ; подъ его диктовкой я исписалъ много листовъ бумаги; часть этихъ записей помѣщена въ настоящемъ сборникѣ. І. А. Цыбинъ пытался передавать мордовскую рѣчь на письмѣ русскими буквами, но это ему не удавалось дѣлать такъ точно и отчетливо, какъ Р. Θ. Учаеву, несмотря на придуманныя имъ діакритическіе знаки (ŗ, ѡ для обозначенія глухихъ р, л; ģ для обозначенія задненѣбнаго); для образца я помѣстилъ въ сборникѣ нѣкоторые изъ записей І. А. Цыбина, см. стр. 430—431, 446—449, 489—492, 630—635, 667—674. Мои записи по Оркину не ограничивались однимъ І. А. Цыбинымъ; кое-что я записалъ отъ В. С. Саюшкина, отъ Татьяны Учуськиной, отъ

1) Эти записи (подкрѣпленные частью и фонографическими отпечатками) не вошли въ составъ настоящаго сборника, и такъ череслѣнно разросшася.

Анастаси Кожайкиной, а также еще отъ нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ. Въ I приложеніи къ сборнику я помѣстилъ двѣ пѣсни, записанныя въ 1904 году учителемъ Ложкинымъ (стр. 674—679), а въ отдѣлѣ оркинскихъ пѣсень записи, сдѣланныя въ концѣ семидесятихъ годовъ учителемъ Леонтьевымъ по порученію А. Н. Минха, см. стр. 431—434, ср. еще стр. 483—484, 486—487.

Во всякомъ случаѣ я особенно обязанъ за помощь и руководство Р. Ѳ. Учаеву и І. А. Цыбину; приношу имъ здѣсь свою глубокую благодарность.

Оркинская мордва меньше, чѣмъ сухокарбулацкая, поддавалась вліянію русскаго населенія; это видно между прочимъ изъ того, что въ Оркинѣ мордва не разсталась со своимъ національнымъ костюмомъ; по крайней мѣрѣ въ 1906 году женщины еще почти совсѣмъ не носили платьевъ русскаго покроя, хотя и горько жаловались на насмѣшки, которымъ онѣ подвергаются въ русскихъ селеніяхъ (напримѣръ, въ большомъ торговомъ селѣ Озеркахъ, отстоящемъ отъ Оркина въ пяти верстахъ). По этимъ жалобамъ а также по сѣтованіямъ на неурожай марены, изъ которой добывается красильное вещество, необходимое для изготовленія нѣкоторыхъ частей женской одежды, я въ 1906 году дѣлалъ заключеніе о томъ, что время перехода оркинскаго населенія къ русскому платью весьма близко. Въ связи съ общей приверженностью оркинской мордвы къ старинѣ стоитъ и то, что пѣсни и старинные обряды держатся здѣсь гораздо устойчивѣе, чѣмъ въ Сухомъ Карбулакѣ. Оркино не теряетъ связей съ другими мордовскими селеніями, расположенными въ сосѣднемъ Петровскомъ уѣздѣ, хотя оркинцы и отличаютъ свое нарѣчіе даже отъ ближайшихъ сосѣдей, которыхъ называютъ «мурзями»; подобныя связи служатъ причиной сохраненія въ Оркинѣ мордовской старины и ограждаютъ оркинцевъ отъ слишкомъ быстраго обрусѣнія. Напротивъ, Сухой Карбулакъ окруженъ русскими поселеніями; ближайшія мордовскія селенія Вольскаго уѣзда отстоятъ отъ Сухого Карбулака верстахъ въ сорока; мордовская старина стала тамъ забы-

ваться, и уже въ очень давнее время жители Сухого Карбулака бросили свой національный костюмъ. Забываются также и свои пѣсни; мордва поетъ русскія пѣсни, а мордовскія развѣ только въ пьяномъ видѣ, какъ сообщаютъ мѣстные наблюдатели. Въ старину, какъ припоминаютъ старые люди, пѣсень было больше и ихъ пѣли охотнѣе; въ настоящее время рѣдко кто знаетъ больше двухъ-трехъ мордовскихъ пѣсень; многіе помнятъ только отдѣльные обрывки тѣхъ или иныхъ пѣсень.

Живѣе сохраняются въ Сухомъ Карбулакѣ преданія. Замѣчательно, что въ 1909 году мнѣ рассказывали тѣ самыя преданія о началѣ Сухого Карбулака, которыя въ 1905 году записалъ Р. Ө. Учаевъ, при чемъ употребляли одинаковыя выраженія, приводили одинаковыя подробности. Одно изъ помѣщенныхъ мною въ сборникѣ преданій — о томъ, какъ мордовская земля перешла во владѣніе русскаго князя (стр. 46—48), несомнѣнно книжнаго происхожденія; въ немъ упоминаются Волжскіе Болгары; преданіе это появилось въ печати въ семидесятыхъ годахъ. Но замѣчательна наивная передача его: въ концѣ рассказчикъ дѣлаетъ замѣчаніе, изъ котораго можно заключить, что подъ русскимъ княземъ онъ разумѣетъ бывшаго своего помѣщика.

Что касается сказокъ, то бѣольшая часть ихъ не представляетъ чего-либо оригинальнаго; эти сказки извѣстны и русскимъ, хотя возможно, что мордва сохранила весьма древнія черты при передачѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Не привожу при сказкахъ ихъ русскихъ параллелей, хотя и сознаю всю важность подобныхъ указаній въ систематически подобранномъ сборникѣ; не дѣлаю ссылокъ и на обнародованныя уже мордовскія сказки во II выпускѣ Образцовъ мордовской народной словесности (Казань 1883), а также въ «*Proben der mordwinischen Volksliteratur. Gesammelt von H. Raasonen*» (Helsingfors 1894), и другихъ изданійхъ. Весьма желательно появленіе работъ, посвященныхъ вопросу о сказочномъ репертуарѣ мордвы — эрзи и мокши, а также систематическихъ собраній этихъ сказокъ. Уже теперь видно, что нѣкоторыя сказки заимствованы мордвой не отъ русскихъ, Любо-

пытно опредѣлить происхождение нѣкоторыхъ именъ, встречающихся въ сказкахъ, какъ напр. Дячка Най-Най въ сказкѣ, помѣщенной на стр. 356—370, Мазы Дамай, Карясъ въ сказкѣ, напечатанной въ Обр. морд. нар. слов. II, стр. 118.

При пѣсняхъ я сдѣлалъ нѣсколько ссылокъ на однородныя или тождественныя пѣсни, извѣстныя изъ другихъ сборниковъ мордовской словесности. Специально относительно весьма распространенной пѣсни о Литювѣ (стр. 521—526) напому, что разборъ ея былъ предложенъ М. Г. Халанскимъ въ его изслѣдованіи «Южнославянскія сказанія о кралевицѣ Маркѣ» (стр. 365 и сл.). Въ пѣсняхъ мордва обнаружила несомнѣнно самостоятельное творчество. Содержаніе ихъ весьма разнообразно, такъ же разнообразны и размѣры; преобладаетъ десятисложный стихъ, укладывающійся въ чегырехъ стопахъ. Важно отмѣтить обиліе пѣсенъ историческаго содержанія; систематическое собраніе и разработка ихъ со стороны сюжета были бы благодарнѣйшими задачами для изслѣдователя. Въ Оркинѣ, а въ особенности въ Сухомъ Карбулакѣ пѣсни, какъ отмѣчено, забываются; но замѣчательно, что выдающіяся событія въ жизни села вызываютъ и до сихъ поръ попытки облечь рассказы о нихъ въ пѣсенную форму; мнѣ извѣстна одна оркинская пѣсня, составленная въ 1905 году по поводу случившагося въ селѣ убійства, и одна сухокарбулацкая, описывающая народное волненіе 1906 года; та и другая пѣсни оказываются подражаніями существующимъ стариннымъ пѣснямъ. Есть полное основаніе думать, что въ мѣстахъ съ болѣе густымъ мордовскимъ населеніемъ сохранилось обильное количество старыхъ пѣсенъ, неизвѣстныхъ въ Саратовскомъ уѣздѣ. Житель Сухого Карбулака И. О. Мионовъ сообщалъ мнѣ нѣсколько интересныхъ пѣсенъ съ историческимъ содержаніемъ. Въ нихъ упоминается о борьбѣ эрзи съ мокшей; называются имена мордовскихъ князей или военачальниковъ; по провѣркѣ оказалось, что И. О. Мионовъ записалъ эти пѣсни отъ своей тещи родомъ изъ Аслановки Вольскаго уѣзда; поэтому онѣ не вошли въ настоящій сборникъ. Обращаю вниманіе на весьма распространенную въ Сухомъ Карбулакѣ

пѣсню объ императорѣ Павлѣ Петровичѣ (стр. 558—560), известную и въ другихъ мордовскихъ поселеніяхъ.

Нѣкоторыя пѣсни пришлось записать прозой въ виду того, что сообщавшія ихъ лица затруднялись передать ихъ поточнѣе.

Загадочна пѣсня о Душѣ, проклятой еще въ утробѣ матери (стр. 434—436; 556—558); вариантъ къ ней въ записи А. Вальда 1849 года, помѣщенъ въ приложеніи I, стр. 679—680. Особенною симпатіей пользуются: пѣсня объ Агутьѣ (стр. 533—534), известная мнѣ теперь въ нѣсколькихъ вариантахъ, пѣсня о Дарюшѣ (стр. 553—555), о Кемельте (стр. 562—564), о Сюмурѣ (стр. 564—568). Весьма распространена пѣсня «Дугава яке сыре алаша» (стр. 429—434, 555—556).

Выше указано, что именно вошло въ составъ двухъ первыхъ приложеній къ сборнику. Въ III приложеніи я помѣстилъ краткій очеркъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей говоровъ Сухого Карбулака и Оркина. Съ большою признательностью называю здѣсь книгу Г. Паасонена *Mordvinische Lautlehre* (Helsingfors, 1903), которая помогла мнѣ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ фонетики. Не могъ я согласиться признать за Паасоненомъ (см. его *Mordw. Lautlehre*, стр. VII—VIII, а также *Mordvinische Chrestomatie*, Helsingfors, 1909) долгими или полудолгими, шумныя глухія согласныя въ положеніи ихъ между гласными, а также между *г, л, п, м* и гласными; напр. въ словахъ *luka*, *aŋa*, *modasa* я слышалъ краткія *k*, *t*, *s* въ противоположность напр. словамъ *poloka* (по пологу), *vetä* (о водѣ), *gapaša* (пусть онъ купитъ), гдѣ *k*, *t*, *s* дѣйствительно долги.

Относительно передачи мордовскихъ звуковъ въ текстахъ замѣчу слѣдующее: *l* обозначаетъ *l*, т. е. русское л несмягченное; *l̥* и *ɣ* обозначаютъ глухія *l* и *ɣ*, известные въ оркинскомъ говорѣ передъ глухими мнновенными; *ŋ* обозначаетъ заднепѣбное *n* (болѣе подходящимъ знакомъ было бы *ɳ*); *ë* означаетъ *e* средняго ряда, передъ которымъ согласныя произносятся твердо; *ʒ* означаетъ сочетаніе *dz*, звонкую аффрикату, соотвѣтствующую глухому *s*; *ö* означаетъ *o* средняго ряда (звукъ между *o* и *ö*). Другіе знаки

не нуждаются въ оговоркахъ. Удареніе я обозначалъ точкой за буквой, выражающею гласную. Не всегда при скорой записи мнѣ удавалось обозначить мѣсто ударенія въ слогѣ, а потому многія слова оказываются приведенными безъ ударенія. Передавалъ я звуковую сторону рѣчи такъ, какъ я ее слышалъ; на основаніи этого я воспроизводилъ и тѣ особенности, которыя вызываются положеніемъ слова въ связной рѣчи; я писалъ *tuín zuvíl* (свинина), хотя *z* замѣнило *s* въ началѣ слова *zuvíl* (мясо) только благодаря положенію послѣ звонкой согласной; но иногда (въ особенности въ Оркинѣ) слышится и *tuín zuvíl*; это отмѣчено и въ моихъ записяхъ. То же относится и къ конечнымъ гласнымъ *a*, *e*, вмѣсто которыхъ (при томъ условіи, когда *a* восходитъ къ *α*) слышится *u*, *i* въ связной рѣчи. Р. Θ. Учаевъ держался тѣхъ же приемовъ.

•

А. Шахматовъ.

Апрѣль 1910 г.

Отдѣлъ I. Преданія.

А. Оркино.

Mi-ník vǎlínť ta-rkasa šediki-lǎ ulní-šť rozbo-jnékeň statt. Mon maři-n syři lo-maňín peldǎ vǎ-ǎłkiň ta-rkada, šty šesa-ǎrǎ-š Šteňka. Ra-zin. Še ta-rkaš nejga-k pek parčťǎ soda-vǎ: ozór-ně-jška pa-nda karda-zyň po-nasa, ľǎni-za i nejga-k: Kǎví-n ka-rdaz; kunčkǎvi-cynza gu-byr, gu-byryňť prá-sa tumavírňǎ, a šefť ku-nčkasa, gu-byryňť prá-sa ko-lmy ki-liǎť, ki-liǎňín ala ľísma-prǎ. Aťa-ťňǎ kortě-ť, šty še ta-rkasyňť sama-j ǎrǎ-šť roz-bo-jnékňǎ, a uša pěkseza pa-ndyňť vǎǎłkiň pe-lej prok o-řta. A krugo-myza a-slyn ka-rdaz. Sa-maj pa-ndyňť prá-va ašcy ví-rňǎ prok la-ta, a alksy-za prok kǎ-vín šte-na. Še šte-naňti měřet

На мѣстѣ нашей деревни были нѣкогда разбойничьи притоны. Я слышалъ отъ старыхъ людей насчетъ одного мѣста, что тамъ жилъ Стеňка Разпнь. Это мѣсто и теперь можно очень хорошо узнать: огромная гора, похожая на дворъ, нмя ея и теперь: Ка-менный дворъ; на серединѣ ея бугоръ, на бугрѣ дубовый лѣ-сокъ, а на самой серединѣ, на вершинѣ этого бугра три березы, подъ березамъ родникъ. Старикъ говорятъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ жили разбойники, а наружная сторона той горы съ одной стороны похожа на ворота. А вокругъ нея какъ есть дворъ. По самой вершинѣ горы—лѣсокъ, словно крыша, а низъ ея словно

Kāvi-n ka-rdaz ča-ma. Karda-zynt ājsta vā pe-lej ašcy-t kafta pantt sā-riχt, a pona-st prok tā-χtiriñ pott. Ne pantnyñ lāmi-st Karau-luj pantt. Atātñā jofne-t, za-rda ārās Šte-nka Ra-zin, to ne pa-ntnyñ laṅksa syñ vanñi-št kija-va juty-čat i bu-ta to-sta mo-dañt pačk ulñi-s vētaf čep. Kodak ņeje-t ju-tyčat, to syñ i nockofcēz še čepēnt, a še čepēnt pā-sa ulñi-s šulma-f ba-jaga. Jalga-st, koda-k maša-syž še ba-jagañt, i liši-t kila-ḡks. A šeči tovō-la pokš ki pe-lej ulā la-tka, lāmi-za Ba-na la-tka, byta syñ še-zēñ jakši-št baña-s paša-ma. A še latkyñt tomba-lā uli Čakš la-tka. Še la-tkyñti jakši-št miñik dedu-žynyk Paznyñ kaša-n pidiñā : ištama synst ulñi-s koje-st. Eščo vā-χkiñ ta-rkasa ulā panda lāmi-za Kože-lēn-strup. Še pa-ndyñt a-ly la-tka, lāmi-za Kože-lēn-strup-la-tka. I vot mā-št jofne-t miñi-k ruzy-n ata-nyk kyda- vāli-s tesa-ara-sil, še latksyñt ārā-št rozbo-jnekt; ulñi-št ze-mlaṅka-st. Žemlaṅka-syñt syñ ārči-št i ulñi-s mary-st vā-χki tā-χtir. Kyda vāli-tnā karmašt oza-ma malaḡ, syñ duma-št kadu-mynz

каменная стѣна. Эту стѣну называютъ лицевою стороною Каменнаго двора. Въ сторонѣ отъ этого двора расположены двѣ высокія горы, а видъ ихъ словно дѣвчьи тѣткы. Имя этихъ горъ—Ка-раульныя горы. Старикъ рассказываетъ, что когда жилъ Степъка Разинъ, то разбойники на этихъ горахъ подкарауливали проѣзжавшихъ по дорогѣ, и будто оттуда сквозь земли была протянута цѣпь. Какъ только увидятъ проѣзжающихъ, они и дернутъ эту цѣпь, а къ концу этой цѣпи былъ привязанъ колоколъ. Какъ услышатъ ихъ товарищи тотъ колоколъ, они и выйдутъ на дорогу. А еще дальше къ большой дорогѣ есть оврагъ по имени Банный оврагъ: будто они ходили туда париться въ баню. А по другой сторонѣ этого оврага Горшковый оврагъ. Въ этотъ оврагъ наши дѣды ходили варить кашу для Бога: такой у нихъ былъ обычай. Еще въ одномъ мѣстѣ есть гора по имени Козлиный срубъ. Подъ этой горой оврагъ по имени «оврагъ Козли-наго сруба». И вотъ что рассказываютъ наши русскіе старики:

te tarka·ńt i tuji·ms dalšy. Dumašt i syrga·št, a še tā·χti·rĩnt kady·ž zemlaŋka·ńti, pěkstěž i tušt. A tāχti·rĩnt pokšest pěk vėčke·lčā. Žal dānga ma·rāvā. Kyda· molėt vāpe·lej, son mērā: ēχ, bratcy, vėd mon sońčāvi·čā pėrčatkam stufty·nā; tyń ažida sa·sta, a mon čyjnan, nat, sajsa· i sasa·tadyž. Molė zemlaŋkańti, lĩf'ti·žā tāχti·rĩnt i mērc tānga: «mĩn ěej tuta·na te·sta, a ton ěesa·k ona še tuža pa·ndyńt; še pandyńt ala u·lā ruz vā·lĩnā, mol't še vālĩnti i āra·k, a bĩdĩ lĩsa·t mĩrdĩ·ńĩn i karŋi·t āra·vuma tāt jarma·kt, sak tej; panžyk zemla·ŋkańt i kučyk mĩrdĩ·t jarma·k mā·lga; ža·ra tāŋk ā·rāvĩt, śnara i saji·da, a tońc ila· sua, a bĩdĩ tońc suva·t zemla·ŋkańti, to ton tesk kadu·vat. I tuš jalga·nga sasa·ma. A te tuš Loχa· pė·lej: še vālĩnĩnt lā·miza ulĩi·ś Lo·χa. Molė to·zėn i ara·ś vā·χki loma·ńĩn i āra·ś kecė·nga robō·tńekeks. A vāχki u·lĩiś še vā·lĩsyńt kodamy bĩdĩ Paznyń o·znėca čo·ra. Rusny mērnešt tānga· Byhamo·l.

A mĩnĩk vā·lĩś karma·ś toža oza·ma: pė·rīvėj saś O·rka a·ta

когда здѣсь не было этого села, въ этомъ оврагѣ были разбойники; у нихъ были землянки. Въ тѣхъ землянкахъ они жили, и была съ ними одна дѣвушка. Какъ по близости стали населяться села, они рѣшили оставить это мѣсто и уйти подальше. Рѣшили и собрались, а ту дѣвушку оставили въ землянкѣ, заперли ее и ушли. А дѣвушку очень любить ихъ атаманъ. Ему стало жаль ея. Когда они ушли далеко, онъ говорить: «эхъ, братцы, вѣдь я позабылъ свою перчатку самобойную; вы, идите потихоньку, а я, знать, сбѣгаю, возьму ее и догоню васъ». Пришелъ онъ къ землянкѣ, вывелъ дѣвушку и сказалъ ей: «мы теперь отсюда уйдемъ, а ты видишь вотъ ту желтую гору; подъ той горой есть русская деревушка, иди въ ту деревню и живи, а если выйдешь за мужъ и нужны будутъ тебѣ деньги, приходи сюда; отопри землянку и пошли своего мужа за деньгами; сколько вамъ понадобится, столько возьмите, а сама ты не входи; а если ты сама войдешь въ землянку, то ты тамъ останешься». И пошелъ онъ догонять